

Наталья Мстительная

Голубое Утро

Серия «Злополучные Приключения»

NT

16+

Наталия Мстительная

Голубое утро

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мстительная Н.

Голубое утро / Н. Мстительная — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Пикантный сюжет романа разворачивается на Средиземноморской ривьере в уютном испанском городке, облюбованном английской аристократией, чтобы скоротать свои деньки в полном комфорте, однако внешнее спокойствие оказывается иллюзией, а неспешная курортная жизнь миллионеров превращается в сплошную суматоху. Как удалось им справиться с недоразумениями, вы узнаете по прочтении этого увлекательного романа. Книга входит в серию «Злополучные приключения», где остросюжетная линия тесно переплетена с записками путешественника и отменно приправлена искромётным юмором автора. В оформлении обложки использована фотография из фотобанка «123RF»

Пролог

Иногда случаются путешествия, которые не ладятся с самого начала, я их называю злополучными. Моя последняя поездка в Испанию оказалась именно такой. По жизни так часто бывает, когда нам вдруг неожиданно открывается привлекательная возможность, и мы с энтузиазмом хватаемся за нее. Мой вам совет: не спешите! Совсем неизвестно, чем это еще обернется.

Когда этим маем к моему дню рождения пришла красочная открытка из Кордивьехи, я буквально запрыгала от радости, как маленькая девочка, почему-то разглядев между строчками вежливости приглашение к путешествию. Собственно, подобные открытки приходили каждый год, но именно этой весной я вдруг решила, что мне непременно следует посетить солнечный испанский берег. То ли я действительно так устала от промозглой бельгийской зимы с ее бесконечными дождями, то ли моя неутомимая натура вдруг горячо возжелала приключений, так или иначе, в этом году я вдруг решила нанести визит своему старинному приятелю.

Перечитывая эту открытку сегодня, я с удивлением спрашиваю себя, где же тут, собственно, приглашение?! Ведь это была просто дань вежливости. Но вы же знаете, как мы, женщины, склонны интерпретировать текст по-своему. В зависимости от настроения мы можем прочитать даже то, чего не написано, просто так между строк...

Так вот мой ослабленный за зиму организм и скучающий разум почему-то прочитали, что меня ждут на побережье Средиземного моря. Ослепленная удачной возможностью понежиться на солнышке прямо сейчас, я решительно купила билет на первый свободный рейс и радостно нырнула в самолет.

Глава 1.

Новые знакомые

Когда вам за пятьдесят, вы больше не тушуетесь от стеснительности в кругу незнакомых вам людей, а беседуете с ними, как будто знали их уже сто лет. Всегда найдется тема для разговора, достаточно просто повнимательнее взглянуть на вашего собеседника. Иногда я позволяю себе такие 'игры мисс Марпл'. Глядя на незнакомоего человека, пытаюсь определить его характер, профессию, интересы, чтобы потом при общении с ним в очередной раз убедиться, насколько я была близка к истине. Вы даже представить себе не можете, как это увлекательно!

Кстати сказать, я – бельгийская писательница, и за словом в карман не лезу, языком владею в совершенстве, и не одним. Скромности, как видите, мне тоже не занимать, поэтому чтобы закончить эту тему на мажорной ноте, остается добавить: детективы, нетленным автором которых я являюсь, пользуются достаточной популярностью, и даже за пределами моей небольшой страны.

Старинный приятель, несколько ошарашенный моим скоропалительным приездом (еще раз повторяю: не надо приглашать в гости из вежливости! даже друзей!!!), особо не пытался занять меня чем-нибудь. Вот уже семь дней я бесцельно болталась по побережью, а у него даже не было времени за мной присмотреть. Ну да, я совсем забыла его представить.

Доктор Зиммельман, точнее профессор, так звучит солиднее, за те тридцать лет, что я его знаю, превратился в светило науки, маститого ученого и знаменитого психиатра. Клиника, которую он основал в умиротворяющем местечке Кордивьеха на берегу Средиземного моря, известна далеко за пределами Испании своими именитыми клиентами, а не только заоблачными ценами. Фредерик Зиммельман был близким другом моего муженька Роберта, покинувшего этот мир десять лет назад и не соизволившего меня предупредить об этом своевременно. Как видите, даже к грустной стороне жизни я стараюсь относиться с юмором! С тех пор наша дружба с Фредериком приняла эпистолярную форму в виде открыток, что я попыталась «исправить» своим личным посещением. Если бы он вздумал основать свою лечебницу где-

нибудь в тихой болотистой Финляндии, то возможно, вообще, я не встретила бы его больше, но он открыл клинику в знойной Испании, так что извините за мой визит!

Профессор Зиммельман лично приехал в аэропорт. Подобные встречи с друзьями молодости всегда проходят болезненно: меня поразило, как Фредерик постарел и подрастерял свою шевелюру, а он... Он, по-моему, вообще не узнал меня! Точнее узнал, но не сразу, а только после того, как я повисла на нем с приветственным поцелуем. Признаюсь вам, как мне было горько в этот момент! Неужели годы так меняют женщину?! Я носила все ту же прическу, что и в молодости, закручивая свою пышную шевелюру в «кокон», правда теперь стал седым. Но когда Фредерик назвал его «раковиной улитки» меня это задело: что за нелепые сравнения находят иногда мужчины?

Я поселилась в небольшом глиняном домике, типично испанском, окрашенном белой известью, который подобрала накануне по интернету. Оказавшись на месте, я порадовалась, что фотографии в точности соответствовали действительности и что дом оказался реальным, а не будкой для собаки.

Знакомство с городком Кордивьехой заняло всего пару дней, и я уже подумывала нанести визит своему дорогому приятелю, когда Фредерик сам позвонил мне и пригласил на новоселье к его знакомой топмодели Синди. Бог ты мой! Какой Зиммельман стал крутой! Конечно, я согласилась. Возможность познакомиться со сливками местного общества увлекла меня настолько, что я перевернула весь свой чемодан в поиске подходящей одежды.

В назначенный час изящный «Ягуар» приятеля остановился перед моим скромным домиком. Светло-серый автомобиль вытянутой спортивной формы сиял на солнце, как капля ртути, и Зиммельман за рулем этого сокровища выглядел очень респектабельно. Я с удовольствием утонула в кожаном кресле пассажира, постаравшись не сильно хлопнуть дверцей.

По дороге приятель ввел в меня в курс местной жизни. Он оказался на короткой ноге с мэром, который вместе с шефом городской полиции также был приглашен на вечеринку. Зиммельман отзывался об этих чиновниках с таким уважительным тоном, что оставалось только сделать вывод, что эти люди вершили здесь все.

С другой стороны, выяснилось, что не все так было гладко на Кордивьехском небосклоне: одни звезды вспыхивали, а другие гасли, даже если им этого и не хотелось. Фредерик предупредил меня, что на вечеринке я встречу миллиардера Коненса, занудливого старикашку, который, судя по всему, был совсем не угоден новой власти. Если учесть, что этот самый Коненс тридцать лет правил городом, то я поняла, почему он мог поднадоесть местному населению. В поисках перемен народ проголосовал за кого угодно, но только не за этого «диктатора», как называли Коненса за спиной. Он, разумеется, был не согласен с подобным положением вещей и всеми силами стремился навести в городе свой порядок.

Как успел сообщить мне приятель, у старикашки имелось двое взрослых сыновей. Ну, как это обычно бывает, один из них был очень успешный, а другой, попросту говоря, дебил. Конечно, профессор назвал этого отморозенного Альберта более научным языком, ну то есть, «подростком с замедленным развитием», это я уж так вам упрощаю, для краткости. Генрих, старший сын старика Коненса, восемь лет назад покинул отчий дом со скандалом и отправился завоевывать Голливуд, ему было не больше, чем Альберту сейчас. Ну, завоевывать, конечно, громко сказано. Для него ведь и так все двери были открыты. Отец – миллиардер, да и сам Генрих природой не обижен. В общем, карьера за океаном росла, как на дрожжах. Даже отец, считавший профессию киноактера не самой подходящей, и тот сдался после нескольких кассовых картин сына. Последние годы Генрих регулярно прилетал в родную Кордивьеху, чтобы укрыться от пронырливых журналистов и назойливых поклонниц. Что же, любопытно будет на него взглянуть!

Ехать оказалось недалеко, минут пятнадцать от города. Когда автомобиль доктора остановился у подножия гранитного замка, примостившегося на краю отвесной скалы, я ахнула.

Если у вас возникало когда-нибудь чувство, что земля уходит из под ног, вот именно это я и испытала, глядя на мрачное строение, буквально нависавшее над зияющей бездной. Как будто эта серая громадина пыталась меня раздавить. Я покосилась на приятеля, но по его беспристрастному лицу трудно было что-либо прочесть. Да, а вот я не была профессиональным психиатром, и своих эмоций не скрывала.

Вы, вероятно, подумали, что виной моих страхов была безудержная писательская фантазия, а я вам признаюсь, что это было скорее тревожное предчувствие. Интуиция, если хотите! Ведь с вами такое тоже когда-нибудь случалось, когда вы стояли на пороге, не решаясь постучать в незнакомую дверь?

Массивную дверь нам распахнула статная женщина сорока лет. Госпожа Нейроу, как она представилась, сообщила, что хозяйка скоро будет. Мне показалось это странным, но виду я не подала. Не знаю, как в вашей стране, но в Бельгии, когда вас приглашают в гости, хозяева обычно присутствуют дома.

Экономка указала Зиммельману на парковку с другой стороны здания, а меня проводила на просторную гранитную террасу, откуда открывалась великолепная панорама Средиземного моря. На вечеревшем небе отчетливо прорисовывались дымчатые облака, составляя причудливые контуры, сквозь них пробивались робкие лучи солнца. Как будто диковинные хищные звери, они прогуливались по небу, разевая свои огненодышащие глотки, и отражались в воде. Однако, безмятежная морская гладь умиротворяла и гасила напряжение, которое у меня вызывала бездна, простиравшаяся под ногами. Чувство тревоги растворилось в приглушенных звуках прибора, разносившихся по побережью.

На террасе я обнаружила одинокую и, видимо, первую гостью. Щепетильно, с изяществом, одетая «старушенция» (как я мысленно окрестила ее) любезно кивнула мне, представившись:

– Виктория Кранс, ближайшая соседка Синди.

– Роз-Мари Вермюлер, писательница.

Сморщенное личико женщины расцвело в вежливой улыбке, обнажив маленькие зубы. Она инстинктивно поправила серебристые волосы, которые собирала в пучок. От этого ее тонкий вытянутый нос становился длиннее и еще больше выделялся на морщинистом личике. Бесцветные глаза-бусины когда-то, возможно, были голубыми. Это сочетание длинного носа и маленьких подвижных глаз делало женщину похожей на крысу, но я, естественно, ей этого не сказала. Меня также впечатлил ее безукоризненный английский, аристократическая осанка в придачу с умопомрачительным бриллиантовым колье на шее.

Как выяснилось, госпожа Кранс, уроженка северной Англии, переехала к Средиземному морю два десятилетия назад, и до сегодняшнего дня об этом еще не пожалела. Тем более, что приморский городок, где она поселилась, был во всех отношениях особенный, выделяясь мягким микроклиматом и специфичным лечебным воздухом. Вот почему этот уютный город оказался элитным местом отдыха английской аристократии.

Именно об этом говорилось также в путеводителе по Кордивьехе, который я купила перед отлетом. Обожаю читать подобную литературу, там всегда можно найти что-нибудь любопытное про места, которые вы планируете посетить.

Так вот, предприимчивым британцам настолько приглянулся местный скалистый край моря, который напоминал им родные берега, что они, можно сказать, оккупировали маленькую Кордивьеху, переделав ее на свой британский лад. Как им это удалось? Там, где селятся всего лишь несколько состоятельных представителей туманного Альбиона, тут же, как по мановению волшебной палочки, появляются: традиционная чайная (не путать с кофейней!), салон йоги, бары с непрерывной трансляцией футбольных матчей, поле для гольфа, площадка для игры в крикет и т.д.

В результате, в этом приморском городке госпожа Кранс чувствовала себя, как рыба в воде. Ее первоначальные потуги выучить местный язык так и остались в зачаточном состоянии, и все употребление испанского сводилось к общению с собственной прислугой в виде: «*Ola!*» и «*Gracias*». Зато женщина обзавелась множеством себеподобных подруг, с которыми неспеша могла пить настоящий английский чай из изящного фарфорового сервиза. Каждый день, в пять часов вечера, когда солнце уже клонилось к закату, наступало время чайной процедуры, которая уже давно превратилась в ритуальную церемонию, но сегодня повод был двойной.

Приглашенная на празднование новоселья в дом к известной (разумеется, британской!) фотомодели, госпожа Кранс выглядела воодушевленной. Видимо, ей было чертовски приятно принять приглашение от самой Синди Куппер. Она гордо поделилась со мной, что прослышала одной из первых о своей именитой соседке, вздумавшей вдруг поселиться в их живописном испанском городке. Естественно, потомственная английская аристократка поспешила познакомиться с топмоделью лично во время ее очередного визита. Согласившись с энтузиазмом помочь девушке, бдительная госпожа Кранс следила шесть последующих месяцев за строительными работами с усердием прораба, ежедневно навещая рабочих, возводивших замок. К окончанию работ она знала расположение комнат, пожалуй, лучше самой хозяйки, приехавшей лишь несколько дней назад.

По задумке известного шотландского архитектора Сэра Вильямса замок–крепость располагался на двух уровнях. Этой объемной планировке способствовал местный скалистый рельеф, который талантливый архитектор просто обязан был обыграть. Так появились многочисленные пристройки и башенки, которые *«не несли никакой практической нагрузки, кроме как эстетической»*, как выразился сам Сэр Вильямс. Госпожа Кранс цитировала его заумные рассуждения на тему градостроительства, как будто тот был единственным на свете архитектором. Мне было забавно наблюдать за этой напыщенной клушей, которая снизошла до разговора со мной, чтобы прослыть знатоком, но с другой стороны, старушенция рассказывала любопытные вещи, которые меня, как писательницу, разумеется, заинтересовали.

Отличительной особенностью замка было то, что все окна здания выходили на море, тогда как тыльная часть строения представляла «неприступную крепость» в виде глухой стены. Здание всем своим видом демонстрировало недоступность и скорее вселяло тревогу, чем очарование. Тут, несомненно, архитектор был под влиянием легендарной испанской рыцарской эпохи. Хотя лично мне показалось, что замок не отличался особой оригинальностью, сильно смахивая на уже существующие исторические строения.

На первом этаже замка располагались спальни и большая гостиная, выходящая на просторную террасу, откуда открывался великолепный вид на море. Эта терраса, мощеная серым гранитом, выглядела внушительно. Даже резная баллюстрада, опять же гранитная, не нарушала, а скорее дополнительно подчеркивала грузность «Кастилло» (как уважительно стали величать замок местные жители). На втором этаже строения располагалась столовая, непривычной круглой формы, куда вела винтовая лестница прямо из холла.

Но за неприветливым, если не сказать угрожающим, фасадом скрывалось комфортное и современное жилище, доверху напичканное последними достижениями современной техники. Стили здания, внешний и внутренний, не очень сочетались, но серебристо-бежевая цветовая гамма внутреннего убранства смягчала разницу и делала дом необычайно уютным.

Все это мне выложила госпожа Кранс в первые десять минут нашего знакомства, и я искренне согласилась, что замок поражал. Того же мнения придерживалась и новоиспеченная экономка «Кастилло», которая оказалась давней подружкой госпожи Кранс и с энтузиазмом участвовала в нашей беседе.

Госпожа Нейроу в свои неполные сорок лет была женщиной уверенной в себе, напористой и хозяйственной. Полная, высокая, сильная, пожалуй, ей стоило родиться мужчиной, возможно, тогда бы судьба более благоволила к ней. Зычный генеральский бас экономки мало чем

напоминал ангельский голосок, услаждающий мужское ухо, так что трудно было представить госпожу Нейроу в роли «прекрасной половины», но зато для роли экономки женщина подходила идеально.

Госпожа Нейроу рассказала, что никогда прежде не работала по найму. Денежная рента в банке позволяла вести безбедный, хотя и скромный, образ жизни. Но энергия и жизненная сила требовали своего воплощения.

Тут на террасе появился мой приятель Зиммельман, разнося по округе запах мужского одеколона «Давидофф». Видимо, он хранил флакон в своей машине и не забывал использовать в нужный момент. Надо же, я вспомнила этот запах спустя столько лет, профессор оказывается постоянен в своих привычках! Галантно поцеловав сухонькую ручку госпожи Кранс, доктор уселся в плетеное кресло рядом с ней. Личико «старушенции» даже порозовело от удовольствия. Беспочинно теребя свое шелковое платье, женщина самозабвенно смотрела в черные блестящие, как маслины, глаза моего приятеля и лихорадочно искала подходящий повод для беседы:

– Как ваши пациенты, доктор?

Зиммельман поморщился. Всю жизнь ему приходилось отвечать на один и тот же вопрос.

– Сходят потихоньку с ума... – отреагировал врач отработанной шуткой.

– Как говорил Бернард Шоу: «Сумасшедшие есть везде, даже в сумасшедшем доме», – заявила госпожа Кранс, пытаясь прослыть остроумной и интеллигентной одновременно.

По всему женщина была готова из кожи лезть вон, чтобы хоть немного обратить на себя внимание Зиммельмана. Только вот темы для разговора почему-то быстро исчерпывались, и госпожа Кранс в беспокойстве хваталась за новые.

– Говорят, в мае у вас лечилась сама Монсеррат Кабалье?

– У-гу, – промычал психиатр.

– И даже похудела при этом на два килограмма?

– У-гу...

– Ну, при ее весе, это все равно, что получить скидку в пять евро при покупке «Мерседеса».

Зиммельман никак не отреагировал на шутку. В задумчивости он пригладил непокорные седеющие кудри, обрамлявшие, как серебряная корона, его загорелую лысину. Несмотря на свой возраст, доктор оставался в приличной спортивной форме. Он сидел на вегетарианской диете и неукоснительно следовал режиму, практиковал по утрам пробежки в парке собственной клиники и совершал заплывы на дальнюю дистанцию, доступные лишь натренированным спортсменам.

Госпожа Кранс искренне восхищалась этим необыкновенным мужчиной, умным и динамичным, но он оставался недостижимым для нее. Вот и теперь женщина мучительно пыталась продолжить беседу, перебирая в уме всевозможные сюжеты.

Наконец, повод подвернулся. На тропинке, ведущей к террасе со стороны моря, показалась высокая загорелая и очень привлекательная девушка. Ее длинные каштановые волосы беспечно развевались по ветру, а на хорошеньком личике светилась радостная беззаботная улыбка. Похоже, девушка совершенно забыла, что пригласила на вечер гостей, и, очевидно, это ее совсем не беспокоило. В своем джинсовом комбинезоне на широких бретельках, под которым виднелась тельняшка, Синди выглядела очень мило и обезоруживала простотой и непосредственностью. В ней не было ничего от «королевы подиумов». В жизни она выглядела еще прекрасней, чем на обложках журналов мод. И та самая родинка слева от ее рта, она оказалась настоящая, а не накладной мушкой. Просто само очарование!

Уже через пару секунд прелестная хозяйка новой виллы летящей походкой пересекла гранитную террасу. Казалось, что ее ноги вообще не касались земли. Красавица ничуть не удивилась, застав у себя дома гостей и приветливо помахала рукой.

– Можно подумать, Синди, что вы на подиуме, а не на отдыхе! – слащаво улыбнулась госпожа Кранс вместо приветствия.

– Походка – это, как профессиональная болезнь, теперь уже на всю жизнь, – весело засмеялась девушка в ответ. – Добро пожаловать на новоселье! Время пролетело быстро, и вот, мой замок уже встречает гостей!

Синди стремительно проследовала в дом, а Зиммельман мечтательно посмотрел ей вслед. Непроизвольно вздохнув, госпожа Кранс продолжила свой приятный разговор с доктором:

– Не могу понять, что могло привлечь в нашей Кордивьехе столь прекрасное юное создание?

Однако, вопрос повис в воздухе. Зиммельман даже не расслышал ее. Собеседница обиженно поджала губы, но, поразмыслив несколько минут о том, что вряд ли смогла бы составить конкуренцию Синди, хотя, учитывая преклонный возраст профессора Зиммельмана, она подошла бы ему больше, госпожа Кранс вздохнула и снова повторила свой вопрос. На этот раз ее услышали.

– Вы совершенно справедливо отметили, – согласился доктор, приглаживая кудри. – Право, я и сам не могу понять. На побережье есть куда более молодежные места с ночными клубами, дискотеками, удобными песчаными пляжами. Никогда не поверю, что Синди нравится взбираться по этой «тропе рыбаков» каждый раз после купания в море.

– А если с ней что-нибудь случится? Подскользнется или еще хуже: сломает себе руку или ногу?

– Не волнуйтесь, у нее все застраховано! За малейший перелом ей выплатят миллион евро. Правда потом он весь уйдет на компенсацию агентству неустойки. Так что действительно, подобное скалолазание – неоправданный риск.

– Это, вероятно, для поддержания формы, чтобы не поправиться, – съехидничала собеседница.

Зиммельман недоуменно посмотрел на нее и даже протер свои роговые очки, а затем негромко продолжил, заметив, как зорко впелись в него блестящие глазки госпожи Кранс.

– Я знаю Синди уже несколько лет, и, пожалуй, посоветовал бы ей поселиться скорее в Калифорнии, в Голливуде. У нее несомненный актерский талант. К тому же она обожает публику. С ее красотой и талантом она перевернет кинематографический мир.

– Да, – согласилась госпожа Кранс, – я слышала, что манекенщицы «пенсионного» возраста начинают подыскивать себе что-нибудь подходящее для будущего: подаются в актрисы, певицы... Ведь они привыкли к славе, обожанию, поклонникам!

Было очевидно, что стареющая меланхоличная аристократка сильно завидовала своей молодой и успешной соседке, поэтому Зиммельман никак не отреагировал. Если бы он отвечал на все выпады пациентов, то давно бы пополнил их ряды. Поэтому мужчина продолжил с невозмутимым видом:

– Уверен, что это – временная блажь. Ведь иногда хочется укрыться от суеты.

– Очень основательное это укрытие, – заметила собеседница и обвела взглядом замок. – Больше напоминает крепость или тюремный острог.

В это время хозяйка дома, переодевшись в роскошное черное коктейльное платье с глубоким декольте, вынесла на террасу прохладительные напитки. Гостеприимная Синди хотела проявить личное внимание каждому своему гостю и теперь лихо вышагивала по гранитной плитке на высочайших шпильках с подносом в руках, на котором дрожала дюжина наполненных хрустальных бокалов, при этом сохраняя олимпийское спокойствие, а главное – равновесие. Госпожа Кранс даже затаила дыхание, но ничего страшного не произошло. Заметив ее оцепенение девушка ободряюще улыбнулась женщине. Милые ямочки заиграли на щеках тем знаменитым шармом, делавшим Синди неотразимой и приносящим их владелице баснословные доходы от рекламы.

Не успела девушка скрыться с опустевшим подносом в гостиной, как вездливая госпожа Кранс снова принялась ей промывать косточки.

– Синди такая романтичная. Может, она представляет себя принцессой, заточенной в замке и ожидающей принца, который освободит ее?

Зиммельман снова не услышал собеседницы. Доктор молчал, глядя вслед молодой красавице, юность и очарование которой, видимо, кружили ему голову. Тогда госпожа Кранс громко повторила раздраженным голосом:

– ... даже если она и ждет принца, то уж, конечно, молодого и красивого!

На этот раз ей удалось привлечь на минуту внимание доктора. Он вернулся к действительности и снова принялся прилизывать руками свои непокорные локоны. А затем вдруг неожиданно и вовсе покинул террасу, кивнув с холодной вежливостью собеседнице:

– Разумеется, госпожа Кранс.

Английская аристократка только пожала плечами и недоуменно обратилась ко мне:

– Волочиться, как юнец, в седовласом возрасте за юной особой было, как ни крути, пошло.

– Быть влюбленным, не означает волочиться, – возразила я.

Тут на террасе показалась разряженная в золотисто-бардовое платье пышущая здоровьем испанка средних лет. Она принесла с собой шумный темперамент, сочный голос и обильное облако терпких духов «Палома Пикассо».

Экономка вежливо представила ее как сеньору Родригес. Знойная испанка просто кивнула в ответ. Видимо, особого интереса я для нее не представляла. Позже я узнала, что это была жена шерифа Кордивьехи, ужасная сплетница, знавшая про всех обитателей городка едва ли не больше своего супруга.

Госпожа Кранс уважительно поздоровалась с сеньорой Родригес, то ли благодаря ее близости к сильным мира сего, то ли из-за ее неисчерпаемой осведомленности.

На английском женщина изъяснялась довольно посредственно, с сильным испанским акцентом, ударением на второй слог и глотанием конечных звуков, но все это не мешало ей не закрывать рот. Сеньора Родригес была явно под впечатлением от нового дома, поразившего ее своими размерами и фундаментальностью. Немного бесцеремонно она плюхнулась в плетеное кресло, энергично обмахиваясь веером. Ее взгляд остановился на бриллиантовом колье госпожи Кранс, как будто женщина впервые увидела его. Уставившись, как удав, в одну точку, сеньора Родригес замерла и даже на минуту замолчала. Я думала, что это драгоценное кольцо ошеломляло только неподготовленных, как я, но видимо ошиблась, поскольку сеньора Родригес, которая, наверняка, уже видела это сокровище, впала буквально в ступор. Просто невероятно, как бриллианты действуют на женщин!

Госпожа Кранс выглядела польщенной и неприминула вставить слово. Поскольку о погоде на испанской Ривьере говорить не принято, погода здесь всегда хорошая, то госпожа Кранс задала тот же вопрос, что и доктору Зиммельману.

Сеньора Родригес, которая наконец вышла из ступора, взялась горячо высказывать различные предположения:

– Почему Синди Куппер поселилась здесь? Право же, милочка, только не говорите, будто вы ничего не знаете...

Госпожа Кранс вытянулась в кресле, как струна, навстречу собеседнице, боясь упустить малейший вздох.

– Молодой Генрих Коненс всему виной! Она преследует парня по всему свету. Его видели с Синди в Париже, Сиднее и даже в Москве – там Коненс снимался в последнем фильме и, по слухам, всю ночь напролет «репетировал» со своей партнершей по фильму. Так вот Синди прилетела к нему уже на следующее утро. И теперь, когда Генрих укрылся в фамильном гнездышке, под родительским крылом, она не придумала ничего лучше, как поселиться рядом!

Госпожа Кранс выглядела ошеломленной. Женщина медленно разгладила складки своего платья и повторила в раздумье:

– Так значит Синди с... Генрихом Коненсом... А мне показалось, что у нее роман с доктором Зиммельманом.

– Да?!! – удивилась в свою очередь сеньора Родригес. – Ну-ка, расскажите мне, что вас натолкнуло на эту мысль?

Собеседница пожала плечами и сконфуженно покосилась на меня. Что мне оставалось? Я задумчиво уставилась в бесконечную морскую даль.

– Сама не знаю, – продолжила госпожа Кранс. – Мне показалось, что что-то связывает этих людей. По-моему, Зиммельман влюблен в Синди по уши!

– Ну-у-у, милочка, – разочарованно протянула супруга шерифа, поправляя пышную прическу. – Разве это новость?

Сеньора Родригес, которая не отличалась молчаливостью, тут же охотно выложила все, что знала:

– Последние два дня они только и делают, что пропадают в море. Синди берет уроки управления яхтой. Нашла у кого брать! К счастью, вы же видели «Эвелину», яхту Генриха, там сплошная автоматика. Все, что требуется от капитана, так это нажать кнопку «Старт».

– Следовательно, уроки проходят успешно, – деликатно заключила госпожа Кранс.

Собеседница понимающе улыбнулась и подмигнула.

– Настолько успешно, что я боюсь, что яхта вскоре будет переименована в «Синди», – сеньора Родригес хихикнула. – Эта девушка знает, что делает!

В это время на террасе появилась запыхавшаяся экономка :

– Гости все уже собрались. Синди ждет вас в гостиной!

Но сеньора Родригес не торопилась идти. Ей было приятно сидеть на террасе и любоваться видом на вечернее море, обмахиваться веером, томно тянуть из трубочки «Мохито» и вести незатейливую беседу. Поэтому супруга местного шерифа лишь лениво поинтересовалась:

– Кто приехал?

– Ну кто... сеньор Родригес...

– Ну, это и так ясно, – нетерпеливо перебила ее собеседница. – Ты бы еще добавила: «Сеньор Родригес с женой». Разумеется, я знаю, что мы здесь.

Наступила неловкая пауза. Мне показалось, что жене шерифа доставляло особое удовольствие унижать женщину. Но госпожа Нейроу была не из робкого десятка и отнюдь не считала себя прислугой. Ровным и спокойным голосом она продолжала перечислять гостей:

– Старик Коненс с сыном.

– С Генрихом?!! – хором воскликнули слушательницы.

– Нет, с Альбертом. Генриха не будет! Старик объявил, что его сын болен. Синди явно расстроилась и, по-моему, не поверила. Действительно, очень странно! В любом случае она распорядилась накрыть стол на тринадцать персон, и все они уже здесь.

– На тринадцать... – тревожным эхом повторила госпожа Кранс. – Очень неудачное число.

– Не говорите глупостей, – тут же беспечно вставила сеньора Родригес. – Тринадцать – прекрасное число. Мне всегда везло в рулетку на тринадцать! Ну, а кто же тогда еще приехал?

– Анна, подруга Синди.

– Анна Ван Хаук, как же знаю! – радостно воскликнула сеньора Родригес. – Эта девушка далеко пойдет. Красота лесной нимфы и хватка акулы. Как в природе все перемешано!

– Значит соперница, – озабоченно вздохнула госпожа Кранс.

– Ну что вы! Какая же она соперница? Они работают в совершенно разных модельных агентствах. В последнем выпуске журнала «Топ-модель» о ней была занятная статья, – компетентно заявила сеньора Родригес.

Кранс лишь вздохнула в ответ и покосилась на свое старомодное шелковое платье. Потом женщина гордо поправила свое бриллиантовое кольцо на груди. Вероятно, это была фамильная гордость Крансов. Гигантский бриллиант в центре его затмевал любые недостатки одежды.

Мне было забавно наблюдать беседу со стороны. Видимо, каждый приглашенный непременно становился предметом их обсуждений. Я уже представляла, как эти «курицы» раскудахтаются за моей спиной, а пока была очередь подружки хозяйки, только что приехавшей в гости.

– Эта Анна Ван Хаук – просто красавица, – делилась впечатлениями экономка. – Блондинка с бирюзовыми глазами! А кожа у нее гладкая-гладкая, прямо глянцева, так и переливается на солнце.

– Фу-у, блондинка, – поморщилась сеньора Родригес, поправляя свои чудесные каштановые волосы. – Это устарело. Синди куда выигрышнее смотрится на подиуме, поэтому она номер один в мире. А блондинок – пруд пруди, но все они позади нее.

Госпожа Нейроу тактично промолчала. А приглашенные женщины в это время, не обращая внимания на экономку, вели оживленный спор насчет Анны и Коненса-младшего.

– Разумеется, она ему понравится. Генрих не пропустил еще ни одной симпатичной блондинки. А эта, судя по всему, чертовски привлекательна.

– Нет, – горячо возражала ей сеньора Родригес, – Генрих понял, что все блондинки – глупые и пустоголовые существа. У них нет внутренней красоты, а все только снаружи! А Синди... Она ведь совсем другая. Посмотрите в ее глаза: в них огонь, страсть, чувство!

– И все-таки не следовало госпоже Куппер привозить сюда подругу. Да и что у них может быть общего, если внешне они совершенно разные? – не соглашалась госпожа Кранс.

– Успокойтесь, прошу вас! – вмешалась в разговор госпожа Нейроу. – Анна Ван Хаук приехала сюда не одна, а с молодым человеком!

Женщины разом умолкли.

– Вот это да! – произнесла, наконец, супруга шерифа. – Кто же он?

– Граф... граф Орлофф!

– О-о! – только и смогла простонать госпожа Кранс, которая в отличие от своих собеседниц имела приличную родословную, хоть и не графскую. – Он из русских? Это очень известный дворянский род. Как он выглядит, этот граф?

– Внешне очень похож на Генриха Коненса: такой же высокий, широкоплечий, темноволосяй. И, в отличие от кареглазых Коненсов, Владимир – светлоглазый.

– Понятно, он ведь русский, – экспертно заключила госпожа Кранс.

– Хорошо, что нашего Генриха не будет сегодня на вечере, он не терпит конкуренции, – отметила супруга шерифа.

Глаза госпожи Нейроу вспыхнули, но женщина сдержалась и промолчала. Однако, от острого глаза сеньоры Родригес это не ускользнуло.

– Вы что-то хотели добавить, госпожа Нейроу, – дружески проворковала жена шерифа, мгновенно забыв, что стоявшая перед ней женщина – экономка, а не гостя на этом вечере.

Да, похоже, эта сеньора Родригес умела выпытывать из людей самые сокровенные тайны. Недаром, что жена полицейского! Нейроу и самой не терпелось выложить подробности.

– Я с первого взгляда поняла, что Синди очень понравился этот загадочный граф. Она сказала, что места хватит всем, и поселила Анну с Орлоффом в разных комнатах.

– Да что вы говорите! – удивилась сеньора Родригес. – Как это интересно!

– По-моему, ничего особенного, – упрямо заявила госпожа Кранс. – Естественно, что они расположились в разных спальнях, они же – не муж и жена.

– Это для вас *естественно*, – не сдержалась супруга шерифа. – Поверьте моему опыту, здесь явно что-то затевается!

– Мне тоже это показалось странным. Анна сказала, что они помолвлены. При этом она так нежно прижималась к графу, а Синди отвела подруге самую дальнюю спальню.

Экономка скромно потупилась, как будто сообщила интимную тайну.

– Что?!! Она даже не поселила их в соседних комнатах? – уточнила сеньора Родригес.

– Нет, – подтвердила госпожа Нейроу. – Анне отвели угловую комнату, а граф расположился в спальне рядом с лестницей.

– А что остальные спальни действительно заняты? – поинтересовалась супруга шерифа. – Сколько их вообще в этом доме?

– Пять, – сообщила экономка деловым тоном и пояснила. – Спальня хозяйки угловая, самая большая и светлая. У Анны тоже угловая, только в другом конце коридора. Между ними еще три спальни и лестница. Среднюю из них отвели графу. Та комната, что оказалась между спальнями графа и Анны, пока пустует, но Синди распорядилась приготовить ее. Видимо, она кому-то понадобится. А в спальне, ближайшей к хозяйской, остановился мужчина, который приехал вместе с Анной и графом.

– С ними приехал еще мужчина?! – воодушевленно переспросила в свою очередь госпожа Кранс.

– Да, мужчина. На вид лет пятьдесят пять. Уж во всяком случае, не больше шестидесяти. Вальяжный такой: невысокий, седовласый, правда с небольшими залысынами. Представился как господин Перран, композитор.

– Композитор... – мечтательно повторила госпожа Кранс, поправляя свой пучок жидких волос. – Замечательно!

Но, похоже, ее любопытство удовлетворено не было. Она ждала подробностей. Об этом говорили взволнованная поза женщины, блестящие глаза, поворот головы.

– По-моему, он еще и дирижер, – добавила экономка, но уже неуверенно. – Дверь его комнаты была приоткрыта, я проходила мимо и заметила, что он доставал из своей дорожной сумки что-то длинное и тонкое, очень похожее на дирижерскую палочку. Перран взмахнул ей, и эта штука блеснула у него в руках, как будто в опере. А потом он убрал ее снова в бархатный чехольчик.

Я по-прежнему сидела с независимым видом неподалеку от разговаривавших женщин. В беседу не вступала, но слушала очень внимательно. От сеньоры Родригес этот факт не ускользнул. Заезжий музыкант ее мало интересовал, и она умело направила беседу в новое русло, повернувшись ко мне всем своим грузным телом:

– Так это вы – госпожа Вермюлер? Писательница детективов из Бельгии? Вы, видимо, подруга Синди?

– Мы только что познакомились, – честно ответила я.

Я неожиданно почувствовала себя как будто в лучах прожектора на сцене. Теперь все внимание присутствовавших женщин вдруг сконцентрировалось на мне. Я всегда производила странное впечатление на незнакомых людей. Кто-то считал меня крайне рассеянной, кто-то вообще не от мира сего. Но это не так!

– Вероятно, вы займете свободную спальню, – предположила экономка. – И что, у вас совсем-овсем нет вещей?

– Нет, ничего. Даже дамской сумочки! Да и вряд ли спальня для меня. Хотя лучше спросить об этом Синди.

Под этим подходящим предлогом я живенько вскочила со своего места и направилась в гостиную. Женщины проводили меня долгим и подозрительным взглядом. Последнее, что я услышала за своей спиной, был их заговорщический шепот:

– Ну, хоть кто-нибудь ее знает?

– Это знакомая доктора, он хотел представить ее мэру.

– Что? Сеньор Пьеро уже здесь?! – бурно воскликнула супруга шерифа, резко вскочив из плетеного кресла. – Что же вы молчали, милочка? Пришел мэр города, а я тут сижу. А вдруг там что-нибудь случилось?! А я не в курсе...

Вслед за мной, буквально через минуту, эта троица появилась в гостиной, возглавляемая шумливой сеньорой Родригес и следовавшими за ней обескураженной экономкой и встревоженной госпожой Кранс.

Зиммельман представил меня старику–миллиардеру Коненсу и его сыну Альберту, а также всем остальным гостям. Нас действительно оказалось тринадцать. У меня в голове пронесся сценарий для нового остросюжетного детектива, который я озаглавила бы «Счастливые число 13». Я с любопытством наблюдала за приглашенными, цинично выбирая, кого бы мне не жалко было назначить жертвой. Ведь в детективе всегда кто-то умирает, иначе не интересно! Но мои мысли об убийстве были прерваны приглашением к столу.

Глава 2. Ужин с концертом

Гости поднялись на второй этаж и расселись по местам в круглой столовой, которая находилась в одной из башен нового дома. Во главе стола красовался крупногабаритный бородастый мужчина с подвижными карими глазами. Заметно воодушевленный встречей, он весело балагурил и шутил. Это был мэр города Кордивьехи, сеньор Пьеро. У мужчины были хорошие манеры, а его британский английский выдавал в нем бывшего студента одного из элитных колледжей туманного Альбиона. Иногда в свою речь он вставлял типично оксфордские словечки (типа: 'боутис' и 'бопс'), так что у меня не было сомнений, что мэр города получил престижное образование.

Рядом с сеньором Пьеро сидела его супруга. Тихая и немногословная, она совершенно терялась «в тени мужа», ну, и, конечно, не шла ни в какое сравнение с прелестной хозяйкой дома, которая заняла место справа от ее мужа. Таким образом, в женском окружении воодушевленный мэр главенствовал за столом. Он красовался, как петух, распутивший свой пестрый хвост и призывавший всех полюбоваться им. Мэр распевал дифирамбы новому жилищу и его очаровательной хозяйке. Действительно, новый замок не оставил никого равнодушным: кого-то он пугал, кого-то впечатлял, а кого-то раздражал, даже если гости не отваживались говорить об этом прямо. Так или иначе, но все разговоры за столом сводились именно к новому дому топмодели.

– Вы нас сразили наповал своей столовой, Синди! – почти искренне призналась сеньора Родригес. – Такого я еще ни у кого не видела: круглый стол в круглой столовой с круговой панорамой из окон на все стороны. Как это свежо и оригинально!

– Спасибо, – просто ответила девушка. – Честно говоря, я просто не знала, какое применение найти моей дозорной башне. Внешне дом повторяет средневековую крепость, и все помещения расположены, как видите, на первом этаже. А что можно сделать в круглой башне? Если бы я была ученым, то я расположила бы здесь свой кабинет с библиотекой и планетарием на крыше.

– Восхитительная идея! – горячо одобрил доктор Зиммельман.

– А я бы устроила здесь зимний сад... – мечтательно сообщила госпожа Кранс.

Она беспрестанно тарасилась на импозантного мужчину, сидевшего напротив с одухотворенным взглядом, но тот был в своих грезах, видимо, мысленно сочинял новое музыкальное произведение, не обращая внимания на окружающих.

– Мне эта комната напомнила городскую картинную галерею, – важно высказался мэр Кордивьехи. – Синди, дорогая, не поленитесь посетить нашу сокровищницу! Вы найдете там неизвестные широкой публике полотна Пикассо и Веласкеса. Заметьте, подлинники, а не копии!

– Не знаю, удастся ли в этот раз... – неуверенно начала девушка, стараясь не обидеть гостеприимного хозяина города. – Мы...

Красавица оглянулась на своих друзей в поиске поддержки, и граф Орлофф немедленно пришел ей на помощь:

– Мы непременно зайдем к вам. Я, Анна да и Синди, все мы – большие ценители искусства. Думаю, что и господин Перран не откажется составить нам компанию.

– Конечно-конечно, – тут же подтвердил композитор. – Было бы любопытно взглянуть.

– Отлично! – энергично подвел итоги мэр. – Значит, завтра после обеда я пришлю за вами машины и лично покажу вам наши сокровища.

Мысль представить местные шедевры именитой публике воодушевила не только мэра. Его супруга, сидевшая до сих пор безучастно за столом, вдруг неожиданно оживилась и даже похвасталась перед гостями:

– Мой муж планирует открыть в Кордивьехе исторический музей!

– Вот даже как? – удивился граф, внимательно всматриваясь в порозовевшее от гордости лицо супруги мэра. – И что, много ценных экспонатов у вас в городе?

Тут я поднесла к губам салфетку, чтобы спрятать улыбку. Мне было забавно наблюдать, как столичный граф издевается над напыщенными местными «шишками». Можно подумать, что у них тут Мадрид, а не Кордивьеха. Ох, уж эти провинциалы!

Но мэр принял все за чистую монету. Сеньор Пьеро был предан своему городу, как старый пес хозяину, и готов был пойти на все ради Кордивьехи. Он вдохнул побольше воздуха и начал свой рассказ.:

– История города уходит в средние века. Рыцари ордена «Серебряного креста» основали здесь...

Сеньора Родригес зевнула. Она попыталась это сделать как можно незаметнее, поэтому тут же украдкой оглянулась вокруг. Похоже, что эту историю, которую сейчас рассказывал мэр, она слышала уже миллион раз. Сеньора Родригес покосилась на мужа. Тот сидел, как каменный истукан. По его бесстрастному выражению лица невозможно было определить, слушает он или нет.

«Нашел, что рассказывать известной фотомодели. Разве ей это интересно? Мужчины никогда не чувствуют, что к месту, а что нет!» – подумала я, глядя на заскучавшую хозяйку дома.

Тем временем мэр Кордивьехи, сеньор Пьеро, буквально упивался своим рассказом. Судя по всему, он был любителем не только истории, но и красивых женщин, и сейчас пытался объединить два своих увлечения в одном. Как ни странно, ему это удавалось. Молодые друзья хозяйки, Анна и граф, слушали чрезвычайно внимательно и даже периодически задавали вопросы. Видно было, что молодой человек прекрасно разбирался в испанской живописи семнадцатого века. Женщины за столом смотрели на него умиленно. Умный взгляд его живых серых глаз, благородный профиль, аристократическая бледность и графский титул не могли оставить их равнодушными.

Оказалось, что я не одна наблюдала за приглашенными. Рядом со мной расположился мой приятель Зиммельман. Цепкий взгляд его внимательных угольных глаз скользил по гостям, как прицел, и мне показалось, что собравшиеся избегали смотреть ему прямо в лицо, как будто боялись его.

Рядом с доктором Зиммельманом сидел вялый молодой человек, Коненс–младший. В первую минуту, когда я увидела его бледное некрасивое лицо, то сразу поняла, что это был тот самый «дебил». Пустой, ничего не выражавший взгляд, отвисшая слюнявая губа, потные ладони выглядели отвратительно и отталкивали окружающих. Они смотрели на парня брезгливо, и никто из приглашенных не снизошел с ним поговорить. Он скорее годился Коненсу во внуки, а не в сыновья. Вот к чему приводят поздние браки!

Синди прекрасно справлялась с ролью гостеприимной хозяйки вечера. Девушка была одинаково приветлива со всеми, чуть больше, пожалуй, со стариком Коненсом. Гости пытались обнаружить на лице хозяйки разочарование, а может даже и следы слез по поводу отсутствия Генриха, ради которого и затевалась вся эта суматоха. Но Синди не оправдала их ожиданий. Наоборот, девушка была крайне воодушевлена и находилась в приподнятом настроении.

Приглядевшись внимательнее, я отметила, что Синди довольно часто бросала взгляды на сидевшего напротив нее графа Орлоффа и заворуженно следила за его выразительными пальцами, украшенными перстнем с собственными инициалами. Ее поведение мне показалось бестактным, по крайней мере, по отношению к собственной подруге, с которой приехал граф. Я даже взглянула на белокурую красавицу Анну, но грациозные движения той не проявляли ни малейшего раздражения. Да, любопытный намечался вечерок!

Я уже давно потеряла нить разговора, но когда заговорила Анна, я прислушалась. Мягкий медовый голосок никак не вязался с тем, что произнесла прелестная блондинка:

– Я считаю, что девушка была абсолютно права, убив его. Я бы тоже так поступила. Он заслужил такую смерть!

Ее тонкие пальчики чуть крепче сжали столовый нож в руке и гневно вонзили в кровавый стейк, что не ускользнуло от моего бдительного внимания. Тем временем беседа за столом накалялась. Высоконравственная госпожа Кранс не смогла остаться в стороне от разгоревшегося спора.

– Что вы такое говорите, Анна! Заслужил... смерть! – всплеснула госпожа Кранс своими маленькими холеными ручками. – Поймите меня правильно, я, конечно, тоже за любовь, но не до такой степени, чтобы убить...

Решив, что пришло время высказаться и ему, раз речь зашла об убийствах, шериф Кордивьехи авторитетно прорычал:

– Да, убийство из ревности – первая статья преступлений в Испании, что в шестнадцатом веке, что в двадцать первом.

В ответ на услышанное мэр города поморщился и самонадеянно ляпнул:

– Только не в нашей Кордивьехе! У нас в городе преступность отсутствует!

После такого громкого заявления, достойного скорее муниципальных предвыборных дебатов, а не застольной беседы в кругу друзей, повисла тишина. Шериф не осмелился оспорить слова мэра, хотя тот выставил всех местных на посмешище. Сеньор Родригес покосился на жену, но та скромно потупила глаза, сделав вид, что думает о своем. Только старик Коненс громко хмыкнул и саркастически усмехнулся, однако, ничего не сказал.

– Уровень преступности в нашем городе на нуле! – гордо повторил глава Кордивьехи с таким усердием, как будто пытался убедить в этом не только других, но и себя.

На этот раз Коненс–старший демонстративно поднялся и вышел из–за стола. Как я узнала позже, всю свою сознательную жизнь он финансировал консерваторов и много лет возглавлял городскую администрацию. Все в его городе до последнего времени функционировало, как отлаженный механизм... до тех пор, пока на последних выборах не победили «популисты». Эти пустозвоны со своим балаганом, это сборище проходимцев и мошенников, теперь вершили судьбами, да еще голословно уверяли всех, что у них это получалось лучше всех!

Я решила воспользоваться паузой за столом, чтобы выйти и передохнуть после громадного куска сытного стейка, который мне все же удалось прикончить. Из путеводителя я знала: мясные продукты – неотъемлемая еда на столе испанца, но вот о размерах куска в тексте как-то не уточнялось. В общем, мне требовалось перекурить, и я спустилась вниз с пачкой сигарет в руках. Всевидящая экономка, сновавшая между столовой и кухней, выловила меня и направила в курительную комнату. Бог ты мой, кто бы знал, что в некоторых домах есть комнаты специально для этого предназначенные! Если бы я у себя дома организовала подобную курительную, то мне пришлось бы распрощаться или с ванной, или с кабинетом.

Войдя с этими мыслями в просторную курительную, я поняла, что мне пришлось бы проститься с моей гостиной, если бы я задалась целью воссоздать такую же комнату в своем доме.

В курительной я обнаружила три стула, и два из них были уже заняты. Было непонятно, то ли так было задумано изначально (навряд ли! стулья буквально терялись в просторном помещении!), то ли эти три стула служили временным интерьером, ведь Синди только что переехала.

На одном из них сидела супруга мэра, сеньора Пьеро. Она безучастно курила, пуская вверх колечки дыма. Видимо, хвалебные речи собственного муженька в столовой ей были, как говорится, по барабану.

Внешне сеньора Пьеро выглядела типичной каталонкой: темно-каштановые волосы, темно-карие глаза, а главное – гордость, эта северная непомерная гордость, которая на юге Испании выглядела чуть ли не дерзостью (это я также вычитала в путеводителе: полезная штука, как не крути!). Эта врожденная гордость придавала супруге мэра некоторую отчужденность, а безукоризненная осанка – величие королевы.

Женщина сидела обособленно и не проявляла ни малейшего интереса к старику Коненсу, занимавшему второй стул. Когда я вошла в курительную, он подмигнул мне, как своей союзнице. Честно говоря, сама не знаю, чем я его так расположила. Тем временем старик напал на «мэршу»:

– Ваш супруг слишком много себе позволяет! Всего два года у руля, а уже возомнил себя, чуть ли не королем Испании. Жили мы здесь до него и после него жить будем. Он нам не указ, ваш жалкий Пьеро!

Я не ожидала оказаться свидетелем такой неожиданной агрессии. Коненс-старший не скрывал своего раздражения, но его попытка не имела ни малейшего успеха. Супруга мэра никак не отреагировала, женщина даже не взглянула в его сторону.

Самолюбие миллиардера было задето не на шутку. Карие глаза налились кровью, как у разъяренного быка, а красное платье госпожи Пьеро послужило сигналом к началу корриды. Разъяренный старик больше не видел перед собой ничего, кроме маячившей перед ним красной тряпки. Он притянул сеньору Родригес к себе так близко, что она уже не смогла отвернуться и презрительно закричал женщине в лицо:

– Ваш муж разглагольствует там о преступлениях, которые вдруг «перестали» совершаться после его прихода к власти!

Женщина холодно и даже как будто брезгливо отстранила от себя старика и бесстрастно ответила, глядя на выпущенное кольцо дыма:

– Значит так оно и есть.

– Что есть?! Наркотики есть, проституция есть, коррупция есть... – не на шутку возмутился Коненс-старший. – А эти «новые русские», вообще, творят беспредел: они же скупили весь город на корню. Хоть бы перестреляли что ли друг друга поскорее!

– О чем вы говорите? – недоуменно спросила женщина.

– А вы, значит, не понимаете о чем! – затрясся от злости старик Коненс. – Не понимаете?! Ну что же, я могу и конкретнее. Про вас лично... Вас часто видят с доктором Зиммельманом, сеньора!

– Ну и что? – спросила ледяным голосом супруга мэра и на этот раз посмотрела прямо в горящие глаза старика.

Хрусталики ее зрачков сузились до одной точки и неподвижно остановились на собеседнике, так что не только старику, но даже мне стало не по себе. Так смотрят кобры, готовые к нападению. Я решила не вмешиваться в их дела, тем более что я – человек приезжий. Но вот старику Коненсу, как говорится, вожжа под хвост попала, и он упорно продолжал свои нападки:

– Только не говорите, что у вас с ним чисто деловые отношения, не надо! Уж я-то точно знаю...

– Вы думаете, что мы – любовники? – повысила голос сеньора Пьеро, буквально сверля глазами миллиардера.

– Не-е-ет, – помотал головой старик. – Вас связывает нечто большее, чем любовь...

Сеньора Пьеро неожиданно вздрогнула и потеряла самообладание. Женщина вдруг истерично завизжала тонким писклявым голосом:

– Что тогда?! Отвечайте сейчас же! Что? Я вас спрашиваю!

– Наркотики! Так что вы можете уже попрощаться со своим креслом «первой дамы», сеньора Пьеро. Скоро об этом будет говорить весь город.

Эта новость произвела на взвинченную женщину эффект разорвавшейся гранаты. Мгновенно побелевшая сеньора Пьеро с трудом сдерживала себя, чтобы не наброситься и не придушить старикашку.

– Чушь! – выпалила она в раже. – Полная чушь!

– Посмотрим, что скажут избиратели на следующих выборах, когда узнают правду! И никакой Зиммельман вас не покроет, но может, хотя бы вылечит в своей клинике. Правда, я слышал, что там не только больные, но и здоровые люди содержатся.

– Я не желаю вас слушать! – истерично закричала женщина и вскочила со стула.

Но толстые пальцы старика цепко ухватили ее за запястье.

– Вы вторглись в чужие владения, сеньора Пьеро! Победа ведь бывает и горькой. Помните мое слово: на следующих выборах я отыграюсь! И вы со своим муженьком пожалеете, ой, как пожалеете, что перешли мне дорогу.

Супруга мэра больше не могла держать себя в руках и со всей силы влепила пощечину миллиардеру. От неожиданности Коненс отпрянул назад, непроизвольно разжав пальцы, а женщина пулей вылетела из курительной комнаты. Мне стало неловко за саму себя и за мое неуместное присутствие. Я торопливо притушила сигарету и вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.